

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.11

УДК 930:711.14(470.53)“18/19”

МЕЩАНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

В.В. Белослудцева

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, Пермь, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5047-6814>

Изучение истории городов и проблем развития населения в исторической динамике является одним из важнейших направлений отечественной историографии. Города играли важную экономическую, социальную, политическую и культурную роль в дореволюционной России. Несмотря на значительное количество работ, посвященных отдельным сословным и социальным группам, существует не много исследований, затрагивающих развитие сословного строя в целом.

Проблема городского обывателя, как нередко называли представителей мещанского сословия, возникла в связи с вопросом о среднем классе, наличие которого рассматривалось в качестве одного из важных показателей, характеризующих политический и экономический уровень развития государства. Объектом исследования выступили мещанские общины городских поселений, находившихся в составе Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Уровень и темпы их развития были различны. Мещанство составляло самую большую группу городского населения. В статье ставилась задача рассмотреть один из аспектов повседневной жизни данного сословия – вопрос мещанского землевладения и землепользования в Пермской губернии.

В результате исследования был сделан вывод о том, что вопрос владения и пользования мещанами землей в конце XIX – начале XX века оставался актуальным. Представители данного сословия, несмотря на постепенную утрату сословных привилегий, стремились сохранить земельные участки и приобрести новые, особенно в небольших уездных городах. Несмотря на многочисленные трудности, мещанское общество продолжало выполнять функции благотворительности и социальной помощи вплоть до 1917 года.

Ключевые слова: мещанство, город, землевладение, мещанская община, Пермская губерния, землепользование, хозяйство, повседневность.

PHILISTIN LANDOWNERSHIP AND LAND MANAGEMENT IN PERM REGION OF GOVERNMENT (LATE XIX – EARLY XX CENTURY)

Vladlena V. Belosludtseva

Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5047-6814>

The study of the history of cities and the problems of population development in historical dynamics is one of the most important directions of Russian historiography. Cities played an important economic, social, political and cultural role in pre-revolutionary Russia. Despite a significant number of works devoted to individual class and social groups, there are few studies that affect the development of the estate system as a whole.

The problem of the urban man in the street, as the representatives of the philistine class often called it, arose in connection with the question of the middle class, the existence of which was regarded as one of the important indicators characterizing the political and economic level of the development of the state. The object of the investigation was the philistine communities of urban settlements which were the part of Perm province in the second half of the XIX - early XX centuries. The level and pace of their development were different. Philistines were the largest group of urban population. Main aim of the article is to consider one of the aspects of the daily life of this estate - the question of petty-bourgeois landownership and land use in Perm province.

As a result of the study it was concluded that the issue of burgers' ownership and use of the land in the late XIX - early XX centuries remained relevant. Representatives of this class, despite the gradual loss of class privileges, tried to preserve land and acquire new ones, especially in small county towns. In spite of numerous difficulties philistine society continued to perform charity and social assistance functions up to 1917.

Keywords: philistinism, city, land ownership, philistine community, Perm province, land use, farming, daily life.

Материалами по землевладению и землепользованию в России (конец XIX – начало XX века) служат три земельных переписи 1877, 1887 и 1905 годов. Все три переписи касались только Европейской России. Переписью 1905 года в Европейской России было зарегистрировано 395 млн десятин земли. Главных категорий владельцев земель в 1905 году было три: а) казна, уделы, учреждения и проч.; б) частные землевладельцы (земли владельцев разных сословий: дворян, купцов, мещан и др.), а также купчие крестьянские земли; в) крестьяне – владельцы наделных земель [1, с. 25].

Общее количество частновладельческих земель земельной переписью 1905 года было определено в 101,7 млн десятин. По мнению И.В. Чернышева, «владения этой категории земель были двух видов: 1) земли единоличных владельцев разных сословий, общей площадью 85,9 млн десятин, т.е. владения «физических лиц», и 2) земли, принадлежавшие разного рода обществам, например акционерным обществам, крестьянским обществам, крестьянским товариществам, товариществам мещанским и т.д. Это владения «юридических лиц». Общая площадь земельных владений юридических лиц равнялась в 1905 году 15,8 млн десятин» [1, с. 45].

Единоличные земельные владения принадлежали лицам разных сословий, в том числе и мещанам. Мещанское сословие во второй половине XIX – начале XX века являлось одним из самых массовых в России. К началу XX века в стране насчитывалось более 13 млн мещан (10,7 % всего населения), более многочисленным сословием было только крестьянство [2, с. 219]. По данным первой Всероссийской переписи, в 1897 году в Пермской губернии проживало 2 994 302 человек [3, с. 164–165]. Мещан числилось 97 241 человек, что составляло 3,2 % от общего числа населения. В городах процент мещан был более значительным и составлял 46,7 % от городского населения. В массовой доле городских сословий к началу XX века, т.е. ремесленников, почетных граждан, мещан и купцов, мещане составляли 91,1 % [4, с. 130–135].

Значительная часть городских жителей занималась торговлей, содержала трактиры и чайные, зарабатывала на жизнь разнообразным ремеслом. В крупных городах мещане трудились на заводах и фабриках. По словам Х. Мозеля, «мещане занимаются разными более или менее прибыльными промыслами, мелочной торговлей и ремеслами, но, несмотря на это, редко выходят из бедности. Дома их располагаются обыкновенно в самых отдаленных частях города и более походят на деревенские избы, чем на городские здания. Внутренность их жилищ вполне соответствует наружности... Жены мещан занимаются преимущественно домашним хозяйством, шитьем, стиркой и другими работами» [5, с. 529].

Жилищные условия большей части мещанства были весьма скромные. По описанию Мозеля, в середине XIX века «большинство жителей всех городов, без исключения, составляют бедные мещане, которые трудятся из-за насущного хлеба, и потому их городская оседлость состоит в маленькой избушке, в два, три окна; обыкновенно в такой избушке живет один или два человека. Большие же дома, в весьма небольшом числе, группируются преимущественно около центра города, но и в них живет обыкновенно одно и редко два семейства. Поэтому число жителей, на каждый дом, выходит весьма незначительно» [5, с. 685].

Дом чердынского мещанина в начале XX века (из описи недвижимого имущества, принадлежащего наследникам чердынского мещанина Алексея Михайловича Гусева) состоял из двухэтажного дома с надворными строениями, каменной лавкой и усадебной землей под ними. Дом был деревянный, полукаменный, имел 4–5 окон на каждую сторону. На втором этаже было несколько комнат – гостиная и спальни. На первом этаже располагалась кухня и подвальная темная комната. Лавка использовалась хозяином для торговли или сдавалась в аренду. В указанном случае аренда составляла 250 руб. в год. В огороде имелась небольшая баня и хозяйственные постройки под навесом [6, л. 20].

На протяжении всего XIX века и даже в XX веке жители небольших городов не порывали с сельским хозяйством. «Эти города до сих пор остаются такими же деревнями, какими они были прежде, – писал публицист и общественный деятель М.П. Щепкин, – и господствующим занятием тамошних мещан и купцов по-прежнему остается хлебопашество» [7, с. 7].

После городской реформы 1870 года мещанские общества потеряли права на землю [8, с. 270]. Для мещан, занятых в сельскохозяйственном производстве, данный факт имел негативные последствия. К концу XIX века земледелие перестает быть основным занятием значительной части мещан небольших провинциальных городов. В 1887 году земельная площадь Пермской губернии составляла более 27 млн десятин. Частные владения составляли немногим более 8 млн десятин. Число владельцев личной земельной собственности равнялось 539, а средний размер владения уменьшился до 15 тыс. десятин. Мещан-землевладельцев в Перми было немного – 18. Количество земли, которым они владели, составило 2,5 тыс. десятин. Средний размер владений составил 141,3 десятины.

По уездам также наблюдались некоторые изменения. В середине XIX века хлебопашеством активно занимались, например, жители Осы. «Главная промышленность жителей города хлебопашество, которым занимаются государственные крестьяне в междуполосном владении с землями удельных крестьян, примыкающих к городскому выгону. Сверх того, только до 2 человек занимаются молочным торгом, а из мещан до 32 домохозяев занимаются хлебопашеством в городском выгоне на взятых в оброчное содержание землях, некоторые занимаются ремеслами и мелочным торгом и в услужении у других лиц» [9, л. 233]. Из числа мещан г. Соликамска занимались сельским промыслом 35 человек. Земли для хлебопашества заимствовались частью из пустопорожних мест в городской черте и из смешанных с ними казенных земель [9, л. 250].

В Оханском уезде к 1887 году мещане, наоборот, перестали владеть землей. В Ирбитском и Осинском уездах появилось по одному мещанскому владению – 601 и 13 десятин соответственно. В Шадринском уезде произошло значительное сокращение владельцев – с тринадцати до двух. Соответственно общее количество земли сократилось на 930 десятин и составило 870, а размер собственности увеличился до 435 десятин. В Екатеринбургском уезде было всего два владельца земли. Их владения составили всего 4 десятины. В Красноуфимском уезде количество владельцев увеличилось на 11 человек. В связи с чем значительно выросли земельные площади, с 150 десятин до 1055 (в 7 раз). Средний размер земельной собственности уменьшился в 1,7 раз и составил 87,9 десятин. В 1887 году мещане не владели землей в Пермском, Камышловском, Чердынском, Кунгурском и Соликамском уездах.

У мещан Красноуфимского и Шадринского уездов преобладала пахотная земля (846 из 1055 десятин и 416 из 870 десятин соответственно); Ирбитского уезда – сенокосная и пастбищная (267 из 601 десятины). Значительными были участки лесной земли у мещан Шадринского (340 из 870 десятин) и Ирбитского уездов (104 из 601 десятины) [10, с. 6–7].

В 1905 году земельные площади губернии составляли 28, 6 тыс. десятин. Таким образом, по сравнению с 1877 годом они уменьшились на 606, 5 тыс. десятин, или на 2 %, и увеличилась по сравнению с 1887 годом на 920 тыс. десятин, или на 3 %. Частные владения в 1905 году насчитывали 8 853 932 десятин. Процент частного владения составлял от 0,3 до 73,6. Наибольшим он был в Пермском (73,6 %), Соликамском (60,1 %) и Екатеринбургском (51,2 %) уездах, а наименьшим – в Чердынском (7,2 %), Камышловском (0,4 %) и Шадринском (0,3 %) [11, с. 36–37].

В 1905 году личных владений в Пермской губернии насчитывалось 586. Средний размер владений видоизменялся у каждого сословия: у дворян он составлял 67 893,9 десятин; купцов – 7 239, 7; иностранцев – 354,0; мещан – 105,8; крестьян – 54,1; прочих – 16,0; духовных лиц – 3,8.

В 1905 году количество мещан – собственников земли увеличилось на 24 человека и составило 42 (7,2 %). Мещане владели 4 443 десятинами земли, что равнялось 0,06 % от общего количества частной земли в губернии.

Наиболее значителен средний размер мещанских владений в Ирбитском уезде – 466,7 десятин, Шадринском – 329,0 десятин, Екатеринбургском – 242,3 десятин; наименее – в Оханском – 5,9 десятин и Пермском – 1,0 десятин. Мещане не владели землей в пяти уездах – Верхотурском, Камышловском, Кунгурском, Соликамском и Чердынском.

Большинство мещан являлись мелкими собственниками (0 – 100 десятин). В 1905 году к данной категории относилось почти три четверти мещан – 71,4 %; средние владения (100 – 1000 десятин) имели 28,6 % мещан; крупных владельцев земли (более 1000 десятин) среди мещан не было. Что касается процентного соотношения площади крупного, среднего и мелкого владения, то средние владения почти целиком были в руках мещан (89,1 %); крупных владений не было.

При сравнении владений в 1887 и 1905 годах можно отметить увеличение земельных владений у мещан в 2,2 раза, и сокращение размера владений с 141 до 105 десятин (в 1,3 раза). По другим сословиям картина выглядела так: размер дворянских владений увеличился с 51 800 десятин до 67 893 (в 1,3 раза); у купцов – уменьшился с 23 280 до 7 239 десятин (в 3,2 раза); у крестьян уменьшился с 141 до 105 десятин (в 1,3 раза) [11, с. 44–45]. По губернии число владений в среднем увеличилось в 1,1 раз; размер владений сократился в 1,2 раза.

В Екатеринбургском уезде число владений уменьшилось в 1,1 раза, средний размер увеличился с 2 до 242 десятин (в 121 раз); в Ирбитском уезде число владений увеличилось в 11,6 раз, средний размер сократился с 601 до 466 десятин (в 1,3 раза); в Красноуфимском уезде число владений сократилось в 2,6 раз, размер владений сократился 88 до 56 десятин (в 1,6 раз); в Осинском уезде число владений увеличилось в 5,4 раза, средний размер вырос с 13,0 до 68,3 десятин (в 5,2 раза); в Шадринском уезде число владений увеличилось в 1,9 раз, средний размер владений сократился с 435 до 329 десятин (в 1,3 раза) [11, с. 44–45].

Таким образом, процент владений мещан в пяти уездах (Осинском, Шадринском, Пермском, Оханском и Ирбитском) увеличился, в двух (Екатеринбургском и Красноуфимском) сократился; средний размер владений увеличился в четырех уездах (Оханском, Пермском, Екатеринбургском, Осинском) и понизился в трех (Красноуфимском, Шадринском и Ирбитском). Объяснить данные явления возможно миграцией мещанского населения, переориентацией его на другие виды деятельности в ряде уездов. Насущным был вопрос об отсутствии свободных земель для желающих заняться земледелием.

Из письма в Пермскую мещанскую управу от 16 июня 1906 года: «...Наша Пермская губерния принадлежит к числу немногих, где земельный запас сравнительно большой и возможно, что и части мещан, желающих заняться земледелием, явиться возможность отвести землю. ... вам, т.е. мещанскому обществу, необходимо поскорее выяснить, сколько потребно земли, где ее можно взять, согласны ли будут мещане взять землю вдали от Перми, желают ли землю купить или взять в срочное или наследственное пользование, имеют ли средства для ее обработки.

Все эти данные необходимо будет представить местным комитетам, когда таковые будут учреждены. Но вопрос вот в том, согласится ли государь утвердить проект Государственной Думы. До сих пор ведь величайшее повеление о неотчуждаемости частных земель в силе. А если нельзя отчудить землю у владельцев, то где же взять земли. Ведь в Соликамск или Чердынь мещане не поедут...» [12, л. 126, 126 об.].

Из всех 395 млн десятин земли, зарегистрированных в 1905 году по Европейской России, только сравнительно небольшая часть была мобильной, то есть могла по закону быть предметом купли и продажи:

1) казенные, удельные земли и земли учреждений были «иммобильны» (не могли быть предметом свободной купли-продажи). Из казенных и удельных земель во время революции 1905–1907 годов 6 млн десятин, в том числе 4 млн десятин из казенных и 2 млн десятин из удельных земель (луга, пашни, выгоны), были частично переданы Крестьянскому банку для продажи их крестьянам;

2) наделные крестьянские земли – 138 млн десятин – в значительной мере были также «иммобильны», так как до 1907 года на наделных землях лежал выкупной долг, затруднявший мобилизацию наделной земли. Хотя во время революции 1905–1907 годов выкупные платежи были прекращены, мобилизации наделной земли препятствовали: а) закон 1893 года, запрещающий продавать наделную землю некрестьянам, б) дробная чересполосица на наделных землях;

3) мобильными в большинстве были частновладельческие земли – 102 млн десятин, хотя и здесь ипотечная задолженность не допускала вполне свободной купли и продажи земель. Купчие земли крестьянских обществ и товариществ были заложены в Крестьянском и в частных банках; земли других частных владельцев были также в большинстве заложены в Дворянском и в частных банках. В Крестьянском банке были заложены главным образом крестьянские купчие земли; в Дворянском банке – только земли, принадлежавшие дворянам [1, с. 49].

Скотоводство в дореволюционной России по своему значению в сельскохозяйственном доходе страны занимало второе после полеводства место. Доход от скотоводства в 1910 году официально исчислялся в 2 016 млн рублей. Из этой суммы 75 % получалось от крупного рогатого скота, остальная часть шла от других отраслей скотоводства [1, с. 113].

Редкая мещанская семья, особенно в небольших уездных городах, не содержала в своем хозяйстве домашний скот. Это требовало достаточного количества земли – посевной, выгонной и сенокосной. Например, в г. Осе свободную городскую землю сдавали в аренду мещанскому обществу. Отмечалось, что посе́вы обществом велись по трехпольной системе. В аренде числилось 1110 ½ десятин земли [13, л. 71].

По сведениям городской управы за 1901 год, в г. Осе содержалось: лошадей – 310 (взрослых, от 3 лет и старше), 65 (подростков, от 1 до 3 лет); быков – 7 (от 2 лет и старше), 5 (от 1 до 2 лет); коров – 565 (взрослых, от 2 лет и старше), 145 (подростков, от 1 до 2 лет); жеребят – 40, телят – 43, овец – 175, коз – 25, свиней – 62 [14, л. 28]. По данным за 1914 год, лошадей содержалось 360, рогатого скота – 776, овец – 24, свиней – 246, коз – 44, собак – 300, гусей – 170 [12, л. 71]. В 1890 году жители всех городов Пермской губернии держали 11 722 лошадей, 12 346 рогатого скота, 3 659 овец, 1131 свиней, 1784 коз [14, л. 39].

На мещанском сходе в г. Чердыни в 1905 году обсуждался вопрос «относительно покосов, которые отдаются городской управой с торгов с 1876 года, в период этого времени на каждую десятину приобретаемую нами с торгов, возрос неимоверный %, от чего мещане г. Чердыни, особенно бедного состояния, несут крайнюю нужду, как в плате за купленный покос, так и его уборке при плохой траве, вследствие чего, мы, мещане г. Чердыни и постановили сей приговор с тем непременным условием, просит нашего мещанского старосту выйти с ходатайством от лица мещанского общества непосредственно в одно из ближайших заседаний Городской Думы, которую просит покорнейше просит сложить по 50 % с рубля с платы за десятину или же уравнивать покосы между жителями с уравнениями хорошего участка с плохим» [15, л. 11об–12].

Значительная часть горожан Пермской губернии вплоть до XX века продолжала владеть подсобными хозяйствами. Домашний скот и приусадебный участок играли немаловажную роль в

повседневной жизни города. На участке выращивали, как правило, самые распространенные овощи – капусту, картофель, морковь. Урожай зависел от многих факторов. Большой урон земельным участкам наносили ежегодные разливы рек. Серьезное наводнение случилось в мае 1902 году в районе Мотовилихинского завода: «Водой была затоплена почти вся луговая часть. Вода проникла в подвалы и даже дома. Затопленные дома ограждены бревнами, переплетенными веревками. Жители затопленных домов переходят на другие квартиры, унося с собой все имущество и уводя скот... вода подступила к самому ж/д полотну, затопив на низменных местах все незначительные постройки, как-то: избы, надворные строения, бани и прочее» [16, л. 2].

Обычно собранный урожай шел для потребления семьи, расходовался в собственных хозяйствах. На рынок мещане вывозили, как правило, небольшие излишки. Качество поставляемого товара не всегда было высоким. Необходимо отметить, что к рыночной торговле у горожан всегда было много претензий. Среди населения г. Перми, особенно бедной его части, нередко были жалобы и нарекания на отсутствие регулярного санитарного надзора за продажей на местных городских рынках пищевых продуктов. Поэтому продукция часто бывала недоброкачественной и фальсифицированной. Так, например, «скоромное масло – с примесью коковара или сала, яйца – тухлые, сметана – подмешанная суррогатами, молоко водою или снятое, рыба или птица – порченные и т.п.» [17, л.75].

Например, зимой 1913 года городским санитарным врачом на черном рынке г. Перми и на прилегающих к нему улицах было осмотрено 256 объектов: 36 мясных лавок, 4 бакалейных, 2 мучных, 9 рыбных, 1 соляная, 18 съестных балаганов, 24 базарных столика, 2 торговли сельдями, 149 торговли с возов, 10 пирожных ящиков.

За нарушение санитарных постановлений было составлено 25 протоколов для привлечения виновных к ответственности. За неопрятное содержание – 19, в том числе: мясных лавок – 2, молочных продуктов – 10, бакалейных лавок – 3, съестных балаганов – 4. За продажу испорченного мяса – 1, испорченной рыбы – 1, испорченных яблок – 1, прогорклого масла с примесью сала – 2, телятины без клейм – 1 [17, л. 76–77].

Всего за 1913 год было составлено 125 протоколов. Из них разобрано городскими судьями – 95; осуждены – 78; оправданы – 5; за недостатком обвинений прекращены – 3; остались не разобранными – 30 [17, л. 173–174].

Безусловно, обеспечить себя питанием с приусадебных участков мещане были не в состоянии. Поэтому продовольственный вопрос был одним из самых насущных и актуальных для жителей городов в начале XX века. Например, на общем собрании екатеринбургского мещанского общества в октябре 1907 года было сказано, что «в виду недорода в Екатеринбургском и соседних с ним уездах цены на хлеб вообще и на муку в частности день ото дня страшно растут и угрожают впоследствии стать чудовищными. Цены эти, помимо недорода, поднимаются искусственно еще и скупщиками, спекулирующими за границей. В скором времени бедный класс городского населения будет поставлен дороговизной в ужасное положение, из которого надо искать выхода, хотя бы созданием противовеса искусственному повышению цен» [18, л.3].

Мещанское общество г. Екатеринбурга владело запасным продовольственным капиталом в размере 9000 руб., который управа и полагала затратить на хлебную операцию с целью ослабить повышение цен. За счет этого капитала управа предполагала произвести заблаговременную заготовку муки, которую потом планировала отпускать беднейшим своим членам по ценам, ниже существующих.

Для разрешения данного вопроса мещанская управа обратилась в Пермское губернское присутствие за разрешением распорядиться капиталом на продовольственные нужды. Разрешение было получено [19, л. 2].

Необходимо отметить, что мящанские управы, являвшиеся органами мящанского самоуправления, регулярно и планомерно заботились о своих общинниках. Ходатайствовали о предоставлении нуждающимся земельных участков, выделяли материальную помощь, занимались вопросами призрения и благотворительности.

Значительная роль сельскохозяйственных занятий для жителей провинциальных городов была характерна не только для Пермской губернии, но и для многих городов европейской части страны. Так, например, Г.И. Ган замечал в связи с описанием жителей Саратовской губернии в середине XIX века, что «занятие большей части жителей до сих пор составляет хлебопашество» [20, с. 27].

Таким образом, мы видим, что вопрос владения и пользования мящанами землей в конце XIX – начале XX века оставался актуальным и насущным. Представители данного сословия, несмотря на постепенную утрату сословных привилегий, стремились сохранить земельные участки и приобрести новые, особенно в небольших уездных городах. Несмотря на многочисленные трудности, мящанское общество продолжало выполнять функции благотворительности и социальной помощи вплоть до 1917 года. 11 ноября 1917 года был издан «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов», который стал последним законодательным актом, относящимся к мящанскому сословию Российской империи [21, с. 71–72].

Список литературы

1. Чернышев И.В. Сельское хозяйство довоенной России и СССР. – М., Л.: Гос. изд-во, 1926. – 199 с.
2. Россия. 1913 год: стат.-док. справочник. – СПб.: БЛИЦ, 1995. – 416 с.
3. Первая всеобщая перепись Российской империи, 1897 г. Т. XXXI. Пермская губерния. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1904. – 301 с.
4. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 г. – Пермь: Типография П.Ф. Каменского, 1899. – 590 с.
5. Мозель Х. Пермская губерния. Ч. 2. // Материалы для географии и статистики России. Т. 18. – СПб.: Типография Ф. Персона, 1864. – 820 с.
6. Чердынский краеведческий музей (ЧКМ). Оп.2. Д.1667.
7. Щепкин М.П. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов. Ч. 1. – М.: Типография М.П. Щепкина, 1882. – 432 с.
8. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. – 912 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 37. Д. 917.
10. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. 32. Пермская губерния. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1897. – С. 17, 19.
11. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 40. Пермская губерния. – СПб.: Типография М.Я. Минкова, 1906. – 53 с.
12. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 141. Оп.1. Д.71.
13. ГАПК. Ф. 88. Оп. 1. Д. 28.
14. Памятная книжка и адрес-календарь г. Перми на 1891 г. – Пермь: Издание Пермского губернского статистического комитета, 1890. – 416 с.
15. ЧКМ. Оп.1. Д. 1741.
16. Пермские губернские ведомости. – 1902. – 18 мая. – № 106.
17. ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1700.

18. Уральская жизнь. 1907. – 13 окт. – № 188.
19. Уральская жизнь. 1907. – 28 окт. – № 200.
20. Ган Г.И. О настоящем быте мещан Саратовской губернии // Экономист. – 1861. – Т. IV, № 1. – С. 1–42.
21. Декреты Советской власти. Т.1. – М.: Госполитиздат, 1957. – 626 с.

References

1. Chernyshev I.V. Sel'skoe hozyajstvo dovoennoj Rossii i SSSR [Agriculture of pre-war Russia and the USSR]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926, 199 p.
2. Rossiia. 1913 god: Statistiko-dokumental'nyi spravocnik [Russia. 1913: Statistical and Documentary Handbook]. Saint Petersburg, BLITZ, 1995, 416 p.
3. Pervaia vseobshchaia perepis' Rossiiskoi imperii, 1897 [The first general census of the Russian empire, 1897]. *Permskaya Guberniia*. Saint Petersburg, Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1904, vol. XXXI, 301 p.
4. Adres-kalendar' i pamiatnaia knizhka Permskoi gubernii na 1899 g. [Address-calendar and a memorial book of the Perm province for 1899]. Perm, Tipografiia P. Kamenskogo, 1899, 590 p.
5. Mozel' H. Permskaia guberniia [Perm Province]. *Materialy dlia geografii i statistiki Rossii*. Part 2, vol.18. Saint Petersburg, Tipografiia F. Persona, 1864, 820 p.
6. CHKM (Cherdynskii kraevedcheskii muzei), op.2, d.1667.
7. Shepkin M.P. Opyt izucheniia obshchestvennogo hoziaistva i upravleniia gorodov [The experience of studying public economy and urban governance]. Moscow, Tipografiia M.П. Shchepkina, pp.1882, 432.
8. Mironov B.N. Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu [The Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2015 vol. 2, 912 p.
9. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv), f. 1287, op. 37, d. 917.
10. Glavneishie dannye pozemel'noi statistiki po obsledovaniiu 1887 g. [Statistics of the Russian empire. The main data of land statistics for the survey in 1887. Iss.32]. *Permskaia Guberniia*. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Central'nogo statisticheskogo komiteta MVD, 1897, iss.32, 17, 19 p.
11. Statistika zemlevladieniia 1905 g. [Statistics of land ownership in 1905 Issue. 40. Perm province]. *Permskaia Guberniia*. Saint Petersburg, Tipografiia M. Minkova, 1906, iss. 40, 53 p.
12. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 141, op.1, d.71.
13. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 88, op. 1, d. 28.
14. Pamiatnaia knizhka i adres-kalendar' g. Permi na 1891 g. [Memorial book and address-calendar of Perm in 1891]. Perm, Tipografiia P. Kamenskogo, 1890, 416 p.
15. CHKM (Cherdynskii kraevedcheskii muzei), op.1. d.1741.
16. Permskie gubernskie vedomosti [Perm provincial lists], 1902, no 106, 18 May.
17. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 43, op. 1, d. 1700.
18. Ural'skaia zhizn' [Ural Life], 1907, no 188, 13 October.
19. Ural'skaia zhizn' [Ural Life], 1907, no 200, 28 October.
20. Gan G.I. O nastoiashchem byte meshchan Saratovskoi gubernii [About the present life of philistines of the Saratov province]. *The Ekonomist*, 1861, vol. IV, no. 1, pp. 1-42.
21. Dekrety Sovetskoi vlasti [The decrees of Soviet power]. Moscow, Gospolitizdat, 1957, vol. 1, 626 p.

Получено: 18.05.2018

Принято к печати: 07.09.2018

DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.3.12

УДК 94:351.864.2(47+57)“18”

ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ВОЕННОЙ ПРИЕМКИ НА ГОРНЫХ ЗАВОДАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

И.А. Сергиевский

Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил
Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3861-7968>

Рассматриваются вопросы зарождения отечественного института военной приемки на горных заводах России в начале XIX века. Дана краткая характеристика основной историографической базы по рассматриваемой тематике. Описано состояние системы контроля качества военной продукции к началу XIX века. Раскрывается деятельность специальной правительственной комиссии по разработке инструкций для приемки металлов, артиллерийских орудий и снарядов, стрелкового оружия. Подчеркивается решающее значение инструкций в процессе формирования отечественного института военной приемки. Приводятся биографические данные о первом главном артиллерийском приемщике Я.М. Бикбулатове, который был направлен на Урал в преддверии Отечественной войны 1812 года. Раскрываются подробности его деятельности на горных заводах по организации качественной военной приемки продукции. Охарактеризованы фактические штаты артиллерийских приемщиков, подробности их службы, обеспечение, бытовые вопросы. Отмечаются проблемные вопросы деятельности русских военных приемщиков. Названы факторы, обусловившие создание отечественного института военной приемки в начале XIX века.

Главным фактором, который определил зарождение отечественного института военной приемки на горных заводах России, явилась нарастающая угроза на западных рубежах империи, что потребовало расширения военного производства, а следовательно, и создания соответствующего органа, отвечающего за контроль качества военной продукции. Однако к началу Отечественной войны 1812 года юридически были закреплены только технические нормы работы военных приемщиков, а не их штатное расписание и обязанности, фактически они осуществляли свою деятельность без таковых.

Ключевые слова: военная приемка, военная промышленность, артиллерийские приемщики, комиссионеры, главный артиллерийский приемщик, военное представительство, контроль качества, уральские заводы, горные заводы, А.А. Аракчеев, А.Ф. Дерябин, Я.М. Бикбулатов.

THE ORIGIN OF THE NATIONAL INSTITUTE OF MILITARY ACCEPTANCE AT THE RUSSIAN MINES IN THE EARLY XIX CENTURY

Ilya A. Sergievskiy

Military Academy of the General staff
of the Russian armed forces, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3861-7968>

This paper considers the origins of the national Institute of military acceptance at mining plants of Russia in the early nineteenth century. The article gives a brief description of the main historiographical base of considered subjects. The state of the quality control system of military products by the beginning of XIX century has been characterized. The paper reveals the activities of the special government Commission on the development of instructions for receiving metal, artillery pieces and shells, small arms. The crucial importance of instructions in the process of formation of the national Institute of military acceptance is emphasized. The article gives biographical information about the first artillery inspector J. M. Bikbulatov, who was sent to the Urals on the eve of the war of 1812. The details of his activities in mining plants with the aim of providing quality military acceptance of the products are presented. The actual staffs of the Ural artillery receivers, details of their service, providing, household questions are also characterized. Problem questions of activity of the Russian military surveyors are specified. Conclusions are made about the factors that led to the creation of the domestic Institute of military acceptance in the early XIX century.

The main factor that led to the birth of the national Institute of military acceptance at the Russian mining plants was the growing threat on the Western borders of the Empire which required the expansion of military production and, consequently, the creation of an appropriate body responsible for quality control of military products. However, by the beginning of the war of 1812 legally there were enshrined only technical regulations for the work of military inspectors but not their staffing and responsibilities. In fact, they operated without them.

Keywords: military acceptance, military industry, artillery inspectors, commissioners, chief inspector of artillery, war office, quality control, Ural factories, mining plants, A.A. Arakcheev, A.F. Deryabin, Y.M. Bikbulatov.

Развитие и успешная деятельность отечественного оборонно-промышленного комплекса тесно связаны с эффективным контролем качества выполнения государственного заказа. Эта важная функция возлагается на военные представительства МО РФ, которые представляют интересы заказчика на оборонных предприятиях. Органы военной приемки за последнее десятилетие претерпели серьезные изменения, особенно в сфере полномочий и организации. Продолжается поиск оптимальной работы системы военных представительств МО РФ в современных условиях.

Большой исторический и практический интерес представляет изучение особенностей функционирования и развития института военной приемки в России, особенно в период его создания – в начале XIX века. Рассмотрение данного вопроса позволит выявить факторы, обусловившие становление этой структуры, а также те из них, которые не утратили своей актуальности для современного института военных представителей.

Существует несколько работ, посвященных непосредственно истории создания и становления отечественного института военной приемки [1, 2]. Однако изучаемая тематика в них полностью не раскрыта из-за относительно небольшого объема данных публикаций и ограниченной источниковой базы. Отдельные вопросы организации и функционирования органов контроля качества и приемки военной продукции на предприятиях артиллерийской промышленности рассмотрены в некоторых других исследованиях. Так, о работе артиллерийских приемщиков на Урале во второй половине XIX века упоминают А.П. Троян, В.Г. Пономаревский-Свидерский, А. Горельский [3, 4, 5]. Указанная проблематика находит свое отражение и в трудах современных уральских историков: Г.Н. Шумкина, Ю.П. Окунцова, А.В. Жука, Д.А. Лобанова [6, 7, 8, 9]. Но в полной мере история создания отечественных представительств военного ведомства в промышленности практически не изучена, не исследован и вопрос зарождения органов военной приемки на горных заводах.

К началу XIX века как такового постоянного и независимого института военной приемки в Российской империи не существовало. В то время для контроля качества и приемки военной продукции, изготавливаемой на казенных и частных горных заводах, откомандировывались офицеры-артиллеристы из довольствующихся или близлежащих воинских частей. Их называли комиссионерами. Исполнение функций приемщиков продукции не входило в круг непосредственных обязанностей этих лиц, поэтому их подготовка оставляла желать лучшего. По мнению ряда исследователей, в то время контроль качества зачастую носил номинальный характер [2]. Формально пребывание комиссионеров на горных заводах ограничивалось временем приема определенной партии изделия, но, основываясь на архивных источниках, нам удалось установить, что ввиду слабого информирования комиссионеров о местах и времени запланированной сдачи заводской продукции, сопутствующих транспортных затруднений и прочих обстоятельств в некоторых случаях пребывание комиссионеров «у приема» могло растягиваться на довольно длительный срок. Вместе с тем подобное положение дел способствовало получению отдельными приемщиками основательных навыков в работе.

Приемка продукции для морского ведомства осуществлялась схожим образом, согласно Адмиралтейскому регламенту. Основные подряды Адмиралтейств-коллегий размещались на Олонецких горных заводах. На Олонецкие и Уральские горные заводы морская коллегия,

«входя в предварительное сношение с Берг-коллегией, ежегодно посылала [...] как для брака и свидетельства, так и приема орудий и снарядов искусных штаб- или обер-офицеров» [10].

Иной была система контроля качества и приемки военной продукции на оружейных заводах. Она осуществлялась заводскими приемщиками – старостами, выбранными из числа наиболее подготовленных мастеров сроком на один год. Они в свою очередь подчинялись надзирателю, который также избирался из мастеров и утверждался правительственным актом. В целом ответственность за прием готовой продукции лежала на инспекторе завода, который подчинялся Оружейной канцелярии, осуществлявшей общее руководство конкретным оружейным заводом [2]. В данном случае, хотя контроль продукции на оружейных заводах и был постоянен, зависел от прямых руководителей производства. Следовательно, данная форма организации приемки стрелкового оружия скорее являлась прообразом современных отделов технического контроля (ОТК) на заводах, а не военных представительств.

Основной продукцией Уральских (Сибирских) горных заводов в то время были артиллерийские орудия, боеприпасы, холодное оружие и металл, который служил сырьем для других военных производств. Отметим, что если партия железа предназначалась для оружейных заводов, то эти предприятия направляли на Урал приемщиков из числа собственных служащих для приемки данной продукции. Это было обусловлено более строгими требованиями к качеству сырья, предназначавшегося для изготовления стрелкового оружия [11, л. 1–6].

К началу XIX века комиссионеры несли службу как на пристанях рек, так и на самих заводах. Если нахождение артиллерийских офицеров на производстве было вполне логично, то их пребывание на пристанях объяснялось возможностью браковки продукции горных заводов Урала перед ее речной транспортировкой так называемыми железными караванами. Как правило, на пристанях могли аккумулироваться изделия сразу из нескольких промышленных объектов. К тому времени стало наблюдаться общее снижение качества продукции на Уральских горных заводах. Эта тенденция, вероятнее всего, была результатом увеличения объемов и усложнения технологии производства предметов военного назначения. Возникла необходимость в ужесточении требований к контролю качества продукции и их более четкой юридической регламентации.

Таким образом, требовалось постоянное и непрерывное пребывание комиссионеров при горных заводах и на пристанях. Министр финансов Российской империи А.И. Васильев, в чьем ведении находилась горнозаводская промышленность, в своем письме от 13 сентября 1803 года на имя военного министра генерала от инфантерии С.К. Вязмитинова указывал, что «главные затруднения при приеме железа встречаются со стороны комиссионеров, которые являются к браковке весьма поздно, уже зимой, бракуя оное на пристанях с крайней медлительностью». Глава Министерства финансов требовал «неотлучного пребывания комиссионеров при горных заводах для приема и брака приготавливаемого на оных железа». Граф А.И. Васильев сообщал также о неудовлетворительных навыках командированных приемщиков и настаивал на выделении для этих задач «знающих свойства металлов чиновников» [12, л. 1–1 об., 5, 14–18].

Претензии к работе комиссионеров, а следовательно, и к качеству продукции Уральских горных заводов, были не только у Министерства финансов, но и у самого военного ведомства. В начале 1804 года инспектор всей артиллерии генерал-лейтенант А.А. Аракчеев рапортовал военному министру о том, что при приеме Калужским артиллерийским складом железа от Гороблагодатских заводов было выявлено его ненадлежащее качество: отсутствовали клейма комиссионеров, а само железо имело местами «полосу льда и грязи». Позже было выявлено, что данная продукция вовсе не проходила военной приемки, так как «оними артиллерийскими офицерами браковки тому железу за неимением тогда таковых при тех заводах не было» [13, л. 1–10].

Ввиду подобного положения дел в марте 1804 года император Александр I повелел создать специальную комиссию в составе военного министра С.К. Вязмитинова, инспектора всей артиллерии А.А. Аракчеева, министра финансов А.И. Васильева, морского министра П.В. Чичагова и главного начальника Гороблагодатских, Пермских и Камских горных заводов А.Ф. Дерябина для разработки «твердого и неперменного положения для пробы и приема» всех видов продукции горных заводов. А.Ф. Дерябин одновременно с этим принял участие в выработке нового Горного положения (утверждено в 1806 году). Таким образом, совершенствование систем производства и контроля качества продукции происходило одновременно.

К июню 1804 года указанной выше комиссией было разработано новое положение «для пробы и приема железа, якорей и артиллерийских снарядов». За его основу был взят как морской Адмиралтейский регламент, так и частные заводские инструкции, на которых ранее основывалась приемка изделий. В положении конкретизировались и уточнялись технические требования к полосовому железу, якорям и снарядам. Вместе с тем подробно регламентировалась непосредственно процедура военной приемки. Приемка железа как приоритетного вида продукции в технологическом плане была несколько обособлена от приемки остальных изделий. Через несколько десятилетий этими двумя сферами приемки занимались уже разные приемщики, но в рамках одной структуры. Но в начале XIX века, даже несмотря на видимое нормативное разграничение в приемке металла и иной продукции, фактически контролем качества всей номенклатуры изделий занимались одни и те же комиссионеры.

Согласно положению 1804 года, приемке железа полагалось «иметь по одному комиссионеру на пристанях: Ослянской, Гольянской, Усть-реченской и Уткинской». Приемщики должны были принимать заводскую продукцию прямо на пристанях от возчиков, складывая ее в особые магазины. В обязанность комиссионерам вменялось «быть всегда на заводах или пристанях, дабы и в летнее время случающаяся перевозка водою или по спопутности возчиков и сухим путем не была остановлена». В то же время предусматривалась возможность содержать как переменных, так и постоянных комиссионеров на усмотрение учреждения, в нужды которого приемщик проверял изделия и от которого он был прикомандирован. Каждому комиссионеру полагалось иметь при себе «пристойное число команды как для приема, записки и хранения железа, так и для препровождения каравана». Если комиссионер находился непрерывно на пристани/заводе, то сопровождением каравана при его транспортировке занимались подчиненные комиссионеру офицеры или унтер-офицеры, «имея присмотр, чтобы железо не было перемещено, и тем менее переменено».

В новом положении четко регламентировались технические вопросы приемки изделий. В нем говорилось, что в случае возникновения разногласий между приемщиками и представителями заводов, «хотя комиссионеры и не зависят от главного заводов начальника, он [...] может давать им письменные повеления, и они обязаны их выполнять». В случае «невыполнения комиссионерами каких-либо требований заводского начальства главный начальник уведомляет о том то место или лицо, от которого комиссионер послан для приема». Спорные моменты между приемщиками и заводскими чиновниками предписывалось разрешать под руководством главного начальника Уральских горных заводов. В положении указывалось, что «для житья комиссионерам с их командами должно выстроить дома при пристанях, дабы они могли жить по близости железных магазинов» [14; 15, л. 1–26].

Вышесказанное относилось как к приемщикам металлов, так и к офицерам, присланным для приема снарядов и якорей (от морского ведомства). Одновременно были разработаны правила «для пробы и приема орудий, для флота отливаемых». В своей основе они восходили к положению об артиллерийской приемке 1804 года: «Дабы осмотр, проба и прием орудий для

флота производимых были в должном порядке, признается нужным делать оные в удобное летнее время, [...] по распоряжению морского начальства [...] отправлять на заводы двух или трех искуснейших и опытнейших артиллерийских офицеров и контрольной экспедиции члена, который был бы сведущ в предметах, о коих суждение ему поручено будет, и снабжен той же самой инструкцией, какая дана будет артиллерийским офицерам, отправляемым к заводам; коим всем вместе при литейном мастере делать осмотр, пробу и прием орудиям» [16].

Особая комиссия продолжила разработку инструкций. В 1808 году императором Александром I были утверждены инструкция для приема артиллерийских орудий и принадлежностей к ним, а также инструкция для приема артиллерийских снарядов. В них закреплялись как основные технические особенности приемки данного вида продукции, так и положения, которые ранее были узаконены инструкцией 1804 года. При этом если ранее конфликты между комиссионерами и заводскими чиновниками разрешали начальники горных заводов, то теперь споры между ними стали предметом разбирательства особых комиссий из местных артиллерийских депо. Таким образом, появилась тенденция к движению в сторону независимости приемщиков от горнозаводского начальства [17].

Активный законотворческий процесс затронул и сферу приемки на оружейных заводах. К 1810 году была разработана и утверждена инструкция для приема оружия с казенных оружейных заводов, регламентирующая новые правила контроля качества стрелкового оружия. Согласно ей, по особому распоряжению на оружейные заводы раз в год стал прибывать специальный представитель Артиллерийского департамента (в дальнейшем эта обязанность легла на плечи приемщиков от войск) с группой оружейных мастеров, которые должны были осуществлять контроль качества выпускаемой военной продукции. Во время испытаний и приема стрелкового оружия высшей инстанцией для них являлся не Артдепартамент, а начальник завода как доверенное от государя императора лицо [18]. В то же время продолжила функционировать и собственная заводская приемка вооружения. Отныне она осуществлялась постоянно силами арсенальных надзирателей и заводских браковщиков, которые «окончательно принимали оружие в заводской арсенал». В целом ответственность за внутреннюю приемку лежала на плечах помощника командира завода по искусственной части [19, л. 11 об.; 20, с. 94]. Позже заводские приемщики стали входить в специально организованные структуры – прообразы современного отдела технического контроля (ОТК). На Тульском оружейном заводе учреждение, выполнявшее заводскую приемку, называлось «ладной», а на Сестрорецком и Ижевском – «приемной палатой» [21, л. 24].

Отметим, что разработка вышеуказанных инструкций стала одним из знаковых моментов в процессе создания системы контроля качества изготовления изделий военного назначения. Теперь приемка стала регламентироваться едиными правовыми и техническими нормами, изложенными в инструкциях, которыми должны были руководствоваться все военные приемщики. Другими словами, отныне каждый конкретный вид продукции стал приниматься единообразно, независимо от предприятия-изготовителя.

Вместе с тем вышеизложенные меры носили половинчатый характер. Несмотря на то, что специальная правительственная комиссия выполнила свою задачу по разработке инструкций для приемки различных изделий, полноценный штатный и независимый институт военной приемки создан так и не был. Практика командирования артиллерийских офицеров для выполнения внештатных функций приемки сохранилась, подотчетность указанных лиц заводскому руководству осталась.

Ко второму десятилетию XIX века стала все более очевидна проблема отсутствия должной подготовки и профессиональной компетентности кадров, выполняющих приемку военной продукции. К примеру, в ходе установления причин неудовлетворительного качества артиллерий-

ских снарядов на Луганском литейном заводе в 1807 году, специально созданная для этого комиссия военного ведомства констатировала, что «заводские мастера укрывают разного рода пороки», а артиллерийский приемщик при работе проявляет «собственное нерадение», даже не имея эталонных образцов и приспособлений для калибровки изделий [22, л. 1–2 об., 8–9 об.].

В 1810 году правительственная комиссия в составе А.Ф. Дерябина (председатель) и двух чиновников от Тульского и Ижевского оружейных заводов устанавливала причины, по которым «железо, доставляемое с Сибирских горных заводов, не имеет надлежащей доброты», из-за чего в 1809 году из 60 тысяч отлитых в Туле оружейных стволов – 20 тысяч не прошли предварительные испытания и взорвались. В результате расследования было выявлено, что несмотря на распоряжение Военной коллегии от 1802 года, в соответствии с которым оружейные заводы должны были «посылать особого чиновника на горные заводы, где готовится для оного железо, чтобы он там безвыездно и находился для браковки и приема железа», данное требование не выполнялось. А.Ф. Дерябин указывал, что «со стороны оружейных заводов в прошедшие годы не были присланы в свое время чиновники для приема железа». Он также констатировал, что «пока не будут тульские мастера приучены к лучшему познанию свойств железа, к лучшему разумению употребления и действия сил на оное... нельзя ожидать особенных и лучших успехов» [11, л. 1–6].

Таким образом, военное руководство России все более сходилась во мнении, что необходимо кардинальное изменение в подготовке и службе военных приемщиков. Ситуация приобрела критический характер в связи с масштабным расширением производства вооружения накануне Отечественной войны 1812 года. Как указывал военный историк Л.Г. Бескровный, в 1811–1812 годах многократно были увеличены наряды на изготовление для русской армии артиллерийских орудий, боеприпасов и стрелкового оружия [23, с. 223–224]. К выпуску военной продукции подключились не только казенные, но и частные заводы, и правительство потребовало выполнять все заказы Военного министерства «без всяких от него на то платежей» для скорейшей подготовки армии к войне [24, 25]. В этих условиях для успешного вооружения русской армии был необходим комплексный подход, включавший в себя совершенствование управления и контроля за системой военной приемки изделий.

В 1810 году русское правительство постановило, что «для отливки артиллерийских снарядов при частных горных заводах со стороны артиллерийского ведомства должны быть прикомандированы чиновники: одни – для приема сих снарядов при самих заводах, а другие – для переосвидетельствования их на пристанях». Тем самым был введен двухуровневый порядок независимого контроля изготовления предметов военного назначения, что должно было способствовать повышению качества изделий. Фактически приемщики на пристанях играли руководящую роль относительно своих коллег, находящихся непосредственно при заводах [26, л. 159–159 об.].

Незамедлительно на уральские пристани были откомандированы наиболее опытные офицеры. Так, 13 февраля 1811 года «на основании предписания инспектора всей артиллерии в Пермскую губернию на Уткинскую пристань (...) для приема свидетельства и отпуска артиллерийских снарядов, доставленных туда с партикулярных заводов» прибыл майор 10-й резервной артиллерийской бригады (г. Омск) Я.М. Бикбулатов¹. Можно предположить, что ранее он уже бывал на Уральских горных заводах в качестве командированного комиссионера. Одновременно с назначением на Урал в 1811 году последовало и присвоение ему очередного воинского звания подполковника. Вместе с ним на Уткинскую при-

¹ По некоторым данным он происходил из татарского рода Бикбулатовых с. Янагушево современной Башкирии, был рожден в обер-офицерской семье, по вероисповеданию православный. В 1797 г. окончил Артиллерийский и Инженерный Шляхетный кадетский (2-й Кадетский Императора Петра Великого) корпус, проходил службу в Омске на различных артиллерийских должностях.

стань из 10-й резервной артиллерийской бригады были отправлены три бомбардира, три канонира и четыре гандлангера. Новоиспеченный подполковник сразу развернул кипучую деятельность на Уральских заводах, прежде всего начав оборудование цейхгауза на своей пристани, куда поступала военная продукция с местных фабрик. Одновременно с ним на Усть-реченскую пристань прибыл майор Кремер, а на Лаишевскую – штабс-капитан князь Еникеев [26, л. 160 об.; 27, л. 4–5 об., 54–57; 28, л. 11–12].

В то же время обстоятельства требовали установления на Уральских заводах должностного лица, ответственного за приемку военной продукции в целом и исполняющего эти обязанности на постоянной основе. Артиллерийское ведомство, не имея возможности быстро получать различную служебную информацию с мест и принимать своевременные и выверенные решения по множеству мелких вопросов, стремилось повысить оперативность в управлении военными приемщиками. Поэтому в январе 1812 года генерал-инспектор артиллерии П.И. Меллер-Закомельский «дабы прекратить всегдашнюю об откомандировании офицеров и нижних чинов переписку, но и выиграть время, и чтобы казна менее терпела на издержку прогонов против того, как ныне некоторые офицеры откомандировываются в те заводы из весьма отдаленных бригад и гарнизонов» распорядился «всех чиновников артиллерийских и команды, находящиеся ныне на тех чугунных заводах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний, где отливаются артиллерийские снаряды, подчинить находящемуся на Уткинской пристани подполковнику Я.М. Бикбулатову, который имеет у себя всегдашние сведения, что на каком заводе происходит и чем заняты состоящие там чиновники и команды» [29, л. 2–3 об.].

С этого времени Я.М. Бикбулатов, хотя и находясь в штате своего прежнего артиллерийского подразделения, на практике стал исполнять должность «заведующего приемом (главного приемщика) металлов, орудий и снарядов на Сибирских заводах хребта Уральского» [27, л. 4–5 об.]. Таким образом, Артиллерийский департамент Военного министерства, созданный в результате министерской реформы Александра I, делегировал часть функций упраздненной Артиллерийской экспедиции по организации военной приемки на Урале главному приемщику с целью разрешения оперативных вопросов на местах (рис. 1).

У главного приемщика было двойное положение, так как никакого постоянного штатного расписания для уральских комиссионеров утверждено не было, и фактически в его распоряжении находились офицеры и нижние чины, которые ежегодно менялись своими артиллерийскими командирами, и только Я.М. Бикбулатов неизменно находился на Урале. Однако и он, как сам в документах подчеркивал, являлся прикомандированным от 10-й резервной артиллерийской бригады, хотя и на постоянной основе [27, л. 57–61]. Таким образом, угроза войны на западных границах империи подтолкнула военное руководство России к принятию определенных решений по созданию отечественного института военной приемки.

Основываясь на архивных материалах, можно констатировать наличие фактического штата артиллерийских приемщиков на Урале. Так, накануне Отечественной войны 1812 года в подчинении главного приемщика находились 10 артиллерийских офицеров и до трех десятков нижних чинов. Они работали как на пристанях рек, где аккумулировалась военная продукция, так и на самих горных заводах. В последующем, с увеличением количества приемщиков, был сделан упор на пребывании их преимущественно на производствах. Фактически принцип двойного независимого контроля качества продукции сначала на заводе, а потом на пристани предопределил разделение приемщиков на младших и старших. Нижние чины наравне с офицерами отвечали за военную приемку продукции и могли осуществлять ее самостоятельно на том или ином производстве [30, л. 191] (рис. 2).

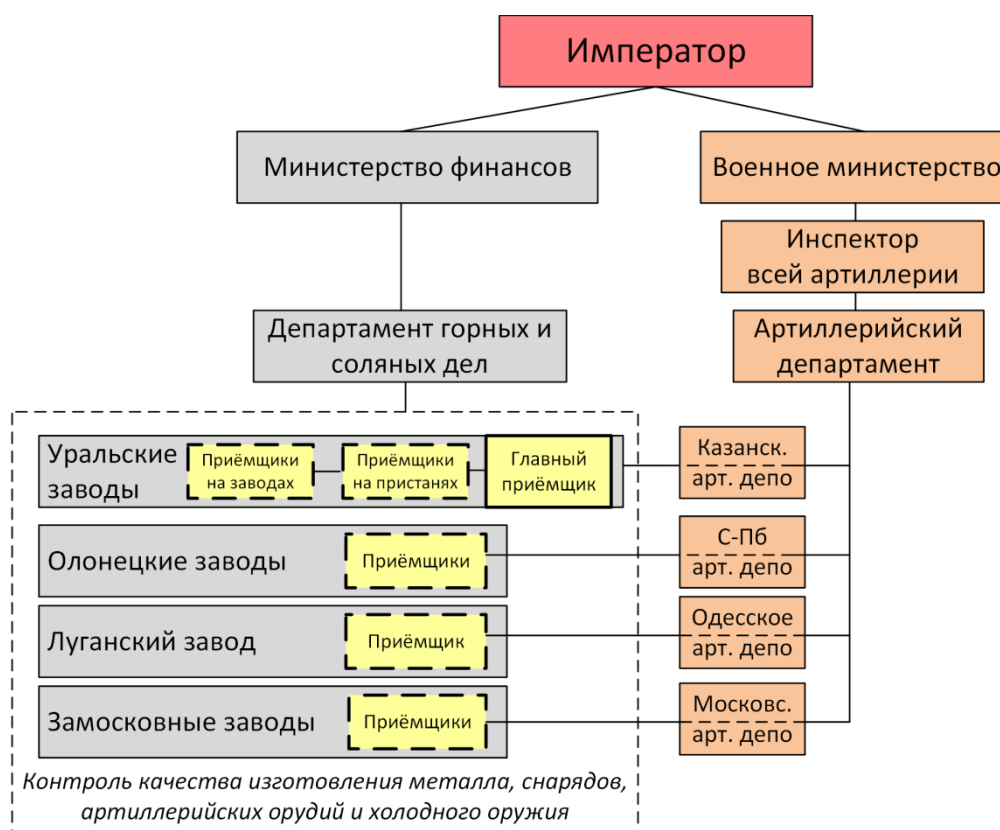

Рис. 1. Отечественный институт военной приемки на 1812 год

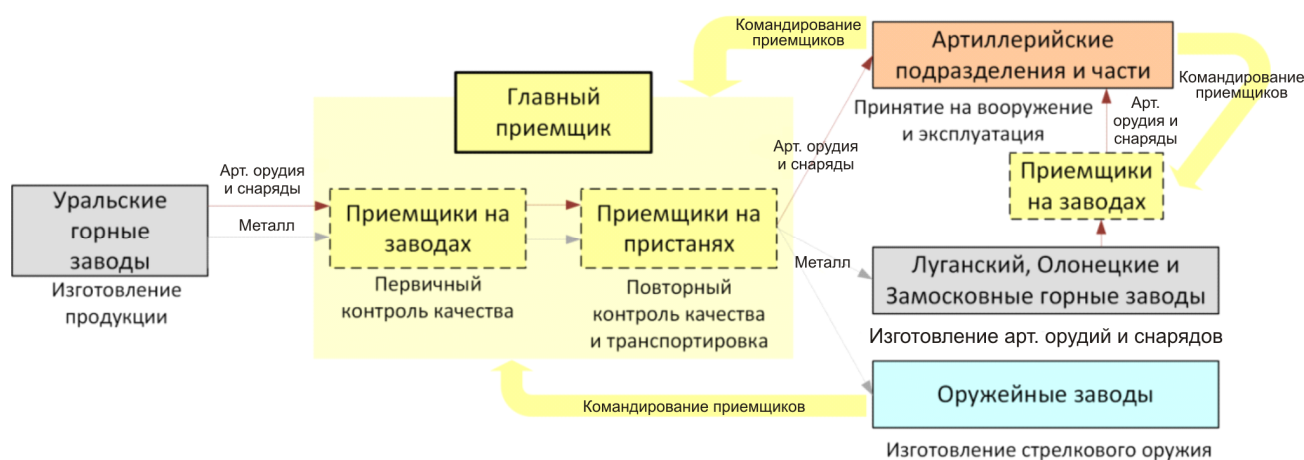

Рис. 2. Порядок контроля качества и приемки продукции на горных заводах на 1812 год

Главный приемщик металлов, орудий и снарядов на Сибирских заводах Уральского хребта являлся непосредственным начальником для всех прикомандированных комиссионеров и своей волей мог перемещать их с одного места приемки на другое, а также использовать для караула, транспортировки продукции и иных целей. Об итогах приемки продукции приемщики рапортом докладывали Я.М. Бикбулатову об объемах и качестве изделий, а он, в свою очередь, уведомлял об этом Артиллерийский департамент через Казанское артиллерийское депо. Из архивных источников известно, что первоначально подполковник Я.М. Бикбулатов докладывал не только департаменту, но и начальнику 10-й резервной артиллерийской бригады, от которой он был прикомандирован. Позже такая эта практика была прекращена [27, л. 20–22; 30, л. 136, 191].

Главный приемщик периодически уведомлял о ходе службы комиссионеров руководство командировавших их подразделений. При неудовлетворительном исполнении приемщиками своих обязанностей они могли быть отозваны обратно в части. Я.М. Бикбулатов нес ответственность за дисциплину своих подопечных и был вынужден разбирать их неправомерные действия. Так, в июне 1811 года крестьянин Степан Алексеев, проживающий вблизи Невьянского завода, подал жалобу на трех артиллерийских приемщиков, которые «в горном питейном доме причинили ему побои с оторванием половины кафтана и лежавшего в кармане одного мешочка с 50 рублями» [27, л. 67 об.]. После расследования данного обстоятельства главный артиллерийский приемщик применил меры дисциплинарного воздействия к провинившимся офицерам.

Расквартирование и медицинское обеспечение артиллерийских приемщиков возлагалось на горное ведомство, обеспечением денежным и вещевым довольствием ведало Казанское комиссариатское депо, провизией нижних чинов – Тобольское провиантское депо военного ведомства [31, л. 45].

Краткосрочное пребывание комиссионеров (как правило, около одного года) на горных заводах создавало множество препятствующих проблем должному контролю за качеством продукции. Прежде всего, артиллерийские приемщики не успевали в полной мере осваивать свое ремесло, тратили много времени на дорогу между заводом и воинской частью, откуда прибывали. Я.М. Бикбулатов многократно ходатайствовал об увеличении сроков пребывания прикомандированных приемщиков на Урале [32, л. 38-39 об.].

Стоит отметить, что фактически должность главного приемщика по уровню решаемых вопросов соответствовала должности горного начальника Екатеринбургского казенного горного округа, и между ними велась интенсивная переписка по вопросам военного производства и качества продукции. Вместе с тем Я.М. Бикбулатов имел обоюдную связь с артиллерийскими арсеналами и частями, куда доставлялась продукция с Уральских горных заводов [30, л. 133; 33, л. 54].

Таким образом, возросшая военная угроза вынудила руководство страны увеличить объем выпуска военной продукции и, соответственно, разработать новые инструкции по приему изделий. Одновременно с этим были сделаны первые шаги по созданию института военной приемки. Непосредственная штатная регламентация данной структуры осуществлялась в рабочем режиме; по-видимому, созданное учреждение было сосредоточено на решении первоочередной задачи – обеспечить выпуск и контроль продукции для вооружения действующей армии. Юридически были закреплены только технические нормы работы военных приемщиков, а не их штатное расписание и обязанности, фактически они функционировали без них. Создание института военной приемки было обусловлено расширением объемов производства и технологическим усложнением военной продукции в условиях стремительного нарастания военной угрозы, что повлекло за собой необходимость наращивания объема контроля качества изделий и как следствие формирования постоянно действующего контрольно-надзорного органа. Только что созданному отечественному институту военной приемки суждено было приступить к обеспечению значительно возросшую числом русскую армию качественным вооружением и доказать свою эффективность в ходе Отечественной войны 1812 года.

Список литературы

1. Волкотрубенко И.И. История военной приемки: реферат / Главное-ракетно-артиллерийское управление МО СССР. – М., 1975. – 50 л. (Рукопись из личного архива автора).
2. Маковская Л.К., Ильина Т.Л. Институт военного представительства (историческая справка) // Повелители огня: сб. ст. и материалов, посвященный 135-летию Гл. ракет.-арт. упр. /

под ред. Н.И. Караулова; Главное ракетно-артиллерийское управление МО РФ, ВИМАИ-ВиВС. – М.; СПб., 1997. – С. 230–257.

3. Троян А. Изготовление холодного оружия у нас и в Западной Европе, а также правила его приема на службу // Горный журнал. – 1890. – № 4–6. – С. 338–344.

4. Пономаревский-Свидерский В. Обзор деятельности казенных горных заводов в отношении нарядов сухопутной артиллерии и их роль при будущих заказах // Горный журнал. – 1901. – № 10–12. – С. 73–115.

5. Горельский А. Горнозаводская служба и общественная жизнь на Урале в крепостное время // Русская старина. – 1905. – № 10, 11.

6. Шумкин Г.Н. Военное производство на Урале в конце XIX – начале XX века (1891 – июль 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2002. – 252 с.

7. Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2000. – 254 с.

8. Лобанов Д.А. Артиллерийские приемщики при Пермских пушечных заводах в конце XIX – начале XX века // Мотовиха: открывая новые страницы: тез. докл. науч.-практ. конф. – Пермь: Пушка, 2011. – С. 116–119.

9. Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. – М.: Вече, 2011. – 256 с.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. СПб., 1772. – Т. 19. – № 13765.

11. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 651.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 518.

13. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 602.

14. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1804–1805. Т. 28. № 21359.

15. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 628.

16. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1804–1805. Т. 28. № 21232.

17. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1808–1809. Т. 30. № 22986.

18. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1810–1811, Т. 31, № 24081.

19. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 6. Оп. 5/9. Д. 442.

20. Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. – М.: Тип. А. Семена, 1826. – 408 с.

21. РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 942.

22. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1192.

23. Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 641 с.

24. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1810–1811, Т. 31, № 24368.

25. ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб., 1810–1811, Т. 31, № 24473.

26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 3. Д. 369.

27. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 39. Оп. 1. Д. 1.

28. РГВИА. Ф. 395. Оп. 135. Д. 363.

29. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 3. Оп. Арсенальное отделение. Ч. 2. Д. 2244.

30. ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 3.

31. ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 11.

32. ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 27.

33. ГАСО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 6.

References

1. Volkotrubenko I.I. Istoriia voennoi priemki [History of military acceptance.]. Moscow, Glavnoe raketno-artilleriiskoe upravlenie MO SSSR, 1975, 50 l. (Rukopis' iz lichnogo arkhiva avtora).
2. Makovskaia L.K., Il'ina T.L. Institut voennogo predstavitel'stva (istoricheskaia spravka) [Institute of Military Representation (historical information)]. Poveliteli ognia. Moscow; Saint Petersburg, Glavnoe raketno-artilleriiskoe upravlenie MO RF, VIMAIViVS, 1997, pp. 230–257.
3. Troian A. Izgotovlenie kholodnogo oruzhiia u nas i v Zapadnoi Evrope, a takzhe pravila ego priema na sluzhbu [The manufacture of cold steel in our country and in Western Europe, as well as the rules for its admission to the service]. *Gornyi Zhurnal*, 1890, no. 4-6, pp. 338–344.
4. Ponomarevskii-Sviderskii V. Obzor deiatel'nosti kazennykh gornykh zavodov v otnoshenii nariadov sukhoputnoi artillerii i ikh rol' pri budushchikh zakazakh [Review of the activities of state mining plants in respect of the orders of land artillery and their role in future orders]. *Gornyi Zhurnal*, 1901, no.10–12, pp. 73–115.
5. Gorel'skii A. Gornozavodskaiia sluzhba i obshchestvennaia zhizn' na Urale v krepostnoe vremia [Gornozavodskaya service and social life in the Urals in serfdom]. *Russkaia Starina*, 1905, no. 10, no. 11.
6. Shumkin G.N. Voennoe proizvodstvo na Urale v kontse XIX – nachale XX vv. (1891 – iul' 1914 gg.) [Military production in the Urals in the late XIX - early XX centuries. (1891 - July 1914)]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 2002, 252 p.
7. Zhuk A.V. Voennaia promyshlennost' Urala v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.). Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 2000, 254 p.
8. Lobanov D.A. Artilleriiskie priemshchiki pri Permskikh pushechnykh zavodakh v kontse XIX – nachale XX veka [Artillery receivers at Perm cannon plants in the late XIX - early XX century]. *Motovikha: otkryvaia novye stranitsy: tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Perm', Pushka, 2011, 256 p.
9. Okuntsov Iu.P. Zlatoustovskaia oruzheinaia fabrika [Zlatoust Weapons Factory]. Moscow, Veche, 2011, 256 p.
10. PSZ RI (Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii). Saint Petersburg, 1772, vol. 19, no. 13765.
11. GATO (Gosudarstvennyi arkhiv Tul'skoi oblasti), f. 187.m op. 1, d. 651.
12. RGVIA (Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv), f. 1, op. 1, d. 518.
13. RGVIA, f. 1, op. 1, d. 602.
14. PSZ RI, 1st sobranie, Saint Petersburg, 1804–1805, vol. 28, no. 21359.
15. RGVIA, F. 1. Op. 1. D. 628.
16. PSZ RI, 1st sobranie, Saint Petersburg, 1804–1805, vol. 28, no. 21232.
17. PSZ RI, 1st sobranie, Saint Petersburg, 1808–1809, vol. 30, no. 22986.
18. PSZ RI, 1st sobranie, Saint Petersburg, 1810–1811, vol. 31, no. 24081.
19. Arkhiv VIMAIV i VS (Arkhiv Voенно-Istoricheskogo muzeia artillerii, inzhenernykh voisk i voisk sviazi), f. 6., op. 5/9, d. 442.
20. Gamel' I.Kh. Opisanie Tul'skogo oruzheinogo zavoda v istoricheskom i tekhnicheskome otnoshenii [Description of the Tula Arms Plant in historical and technical terms.]. Moscow, Tipografiia A. Semena, 1826, 408 p.
21. RGVIA, f. 504, op. 7, d. 942.
22. RGVIA, f. 1, op. 1, d. 1192.
23. Beskrovnyi L.G. Otechestvennaia voina 1812 goda [Patriotic War of 1812]. Moscow, Sotsekgiz, 1962, 641 p.
24. PSZ RI, 1st sobranie, Saint Petersburg, 1810–1811, vol. 31, no. 24368.
25. PSZ RI, 1st sobranie, Saint Petersburg, 1810–1811, vol. 31, no. 24473.
26. RGIA (Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv), f. 37, op. 3, d. 369.
27. GASO (Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti), f. 39, op. 1, d. 1.
28. RGVIA, f. 395, op. 135, d. 363.
29. Arkhiv VIMAIV i VS, f. 3, op. Arsenal'noe otdelenie, part. 2, d. 2244.
30. GASO, f. 39, op. 1, d. 3.
31. GASO, f. 39, op. 1, d. 11.
32. GASO, f. 39, op. 1, d. 27.
33. GASO, f. 39, op. 1, d. 6.

Получено: 10.07.2018

Принято к печати: 11.09.2018

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Статья передается в редакцию журнала «Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право» ответственному секретарю (614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, ПНИПУ, каб. 402 корп. А; контактный тел. (834) 2-198-047).

2. Все материалы представляются в электронном виде (на любых носителях) и могут быть направлены на e-mail: **vestnik_pnrpu_kipf@mail.ru**. Имя файла определяется по фамилии авторов: фамилия.doc или фамилия1_фамилия2.doc.

3. Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (<http://www.elibrary.ru>). Для подачи сведений об авторах в Российскую научную электронную библиотеку на отдельной странице в печатном и электронном виде необходимо приложить **справку**, содержащую следующие данные (в приведенном порядке) на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);
- место работы или учебы (название организации в именительном падеже);
- почтовый адрес организации;
- наименование кафедры (подразделения) и занимаемая должность;
- ученая степень, ученое звание автора;
- контактный телефон;
- e-mail, ORCID.

При коллективном авторстве необходимо указать, с кем вести переговоры.

4. Дополнительно в редколлегию должен быть представлен акт экспертизы о возможности опубликования статьи в открытой печати.

5. Журнал является рецензируемым научным изданием. Редакционная коллегия журнала рецензирует полученные материалы самостоятельно. По усмотрению авторов внешняя рецензия может быть представлена при подаче рукописи, что, однако, не исключает обычного порядка рецензирования.

Требования к оформлению рукописей

(в соответствии с ГОСТ 7.5–98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

1. Представляемые в редакцию материалы должны быть сверстаны в виде единого целого так, чтобы была возможность распечатать файл в удобочитаемом виде. Материалы в бумажном виде представляются распечатанными в режиме качественной печати, страницы пронумерованы, скреплены.

2. Объем статьи должен составлять от 0,5 до 0,75 авт. п. л. (от 20 000 до 30 000 печатных знаков, включая пробелы между словами). Редакция принимает для публикации краткие отзывы или дискуссионные замечания по ранее опубликованным статьям. Объем такой публикации не должен превышать двух страниц формата А4 при выполнении технических требований, предъявляемых к статьям.

3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах формата А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см. Выравнивание основного текста – по ширине. Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

4. **Заголовки** статьи оформляются следующим образом: сначала вверху, по центру, жирным шрифтом указываются инициалы и фамилия автора(ов), после чего жирным шрифтом заглавными буквами приводится название статьи.

5. После заголовка через строку размещается **аннотация**, кратко излагающая содержание статьи. Объем аннотации не менее 200 слов (согласно ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования»). Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

6. Через строку после аннотации размещаются **ключевые слова** в количестве не менее семи и не более пятнадцати. После ключевых слов через строку следует текст статьи.

7. **Не допускаются**: два или более пробелов; формирование красной строки с помощью пробелов.

8. Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation. Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямым. Цифры имеют прямое начертание.

9. Таблицы и рисунки размещаются по тексту статьи. В тексте обязательно должны быть ссылки на рисунки и таблицы. Все рисунки и таблицы должны иметь номер и название. Название таблицы приводится над табличным полем посередине, а нумерация – справа. Название рисунка – под рисунком по центру. Рисунки оформляются в редакторах, надежно совместимых с редактором Word.

10. **Список литературы** приводится в конце статьи. Список литературы должен содержать минимум 15 позиций. Наличие ссылок на учебную литературу не допускается. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера страницы, например [7, с. 24]. Романоязычный список литературы обязателен. Привила оформления романоязычного списка литературы приведены на сайте журнала: <http://vestnik.pstu.ru/kult/toauthors/requirements>.

11. Ответственность за достоверность приводимых в статьях фактических материалов и сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники несут авторы.

Примеры библиографического описания

Книги

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

Депонированные научные работы

Размустова Т.О. Историко-краеведческие исследования музеев Центрально-Черноземного региона (1917–1940). – М., 1997. – 53 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 01.12.87, С631909.

Статья из...

... журнала

Калинина Е.А. Критерий эффективности управления затратами с позиций маркетинга // Менеджмент в России и за рубежом. – 2010. – № 1. – С. 63–69.

... газеты

Бовин А. Разоружение и довооружение // Известия. – 1988. – 10 марта. – С. 5.

... сборника трудов

Алферова Т.В. Социально-экономические проблемы управления персоналом промышленных предприятий // Экономико-правовое развитие современной России: сб. науч. тр. – М.: Изд-во Моск. ин-та экономики, менеджмента и права, 2008. – Вып. 5. – С. 21–33.

... материалов конференций, семинаров

Шилова Е.В. Компетентностный подход и организация самостоятельной работы студентов // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. – С. 9–10.

Нормативные акты из ...

... собрания законодательства РФ

О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): ФЗ от 27.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 12.06.2006 № 85-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – С. 6–28. – Ст. 2790; Собрание законодательства РФ. – 2006. – С. 6–25. – Ст. 2648.

... газеты

Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2002–2004 гг. // Российская газета. – 2002. – 19 янв. – С. 4–5.

... электронного ресурса

Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 31 июля 1998 № 146-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 09.07.1999 № 154-ФЗ, от 29.12.2001 № 190-ФЗ, от 30.12.2001 № 196-ФЗ и др.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2010).

Научное издание

ВЕСТНИК ПНИПУ
КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО

BULLETIN OF PNRPU
CULTURE. HISTORY. PHILOSOPHY. LAW

№ 3

Информация о журнале на сайте: <http://vestnik.pstu.ru/kult>

Редактор и корректор *И.А. Мангасарова*

Выход в свет 9.10.2018. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 17,70. Тираж 100. Заказ № 212/2018.
Свободная цена

Отпечатано в типографии Издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета
Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 213.
Тел. (342) 219-80-33